

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340:101

Дата поступления: 11.02.2024
рецензирования: 26.03.2024
принятия: 27.05.2024

О предписаниях уголовного законодательства как аксиомах

Е. В. Благов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье сделана попытка рассмотреть последствия теоретического подхода к уголовно-правовым предписаниям как к аксиомам. Выводы сделаны неутешительные. Во-первых, к указанным предписаниям видно двойственное отношение законодателя. С одной стороны, последний принимает их и вводит в действие, видимо, считая доказанными. С другой стороны, он нередко одни предписания не согласовывает с другими. При этом создается странная ситуация, которая характеризуется тем, что имеются несколько предписаний, каждое из которых подлежит применению в том виде, в котором сформулировано, но, по существу, они противоречат друг другу. Причем такая ситуация имеется как внутри уголовного законодательства, так и в соотношении его с предписаниями уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Во-вторых, явно не считает уголовно-правовые предписания аксиомами судебная практика. Пленум Верховного Суда РФ зачастую разъясняет их якобы «по смыслу», но фактически изменяет содержание и меняет уголовное законодательство. И то и другое не соответствует принципу законности (ст. 3 УК РФ) и является следствием нарушения правил законодательной и интерпретационной техники.

Ключевые слова: уголовное законодательство; предписания; аксиомы; уголовно-процессуальное законодательство; уголовно-исполнительное законодательство; постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Цитирование. Благов Е. В. О предписаниях уголовного законодательства как аксиомах // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Благов Е. В., 2024

Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2024
Revised: 26.03.2024
Accepted: 27.05.2024

On the prescriptions of criminal law as axioms

E. V. Blagov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Abstract: The article attempts to consider the consequences of a theoretical approach to criminal law prescriptions as axioms. The conclusions are disappointing. Firstly, the ambivalent attitude of the legislator towards these prescriptions is evident. On the one hand, the latter accepts them and puts them into effect, apparently considering them proven. On the other hand, he often does not coordinate some prescriptions with others. At the same time, a strange situation is created, which is characterized by the fact that there are several prescriptions, each of which is subject to application in the form in which it is formulated, but, in essence, contradict each other. Moreover, there is such a thing both within criminal legislation and in relation to its provisions of criminal procedure and penal enforcement legislation. Secondly,

judicial practice clearly does not consider criminal law prescriptions to be axioms. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation often clarifies them allegedly «in meaning», but actually changes the content and, in essence, changes the criminal law. Both do not comply with the principle of legality (Article 3 of the Criminal Code of the Russian Federation) and are the result of violations of the rules of legislative and interpretative techniques.

Key words: criminal law; regulations; axioms; criminal procedure legislation; penal enforcement legislation; resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Blagov E. V. *O predpisaniyakh uголовного zakonodatel'stva kak aksiomakh* [On the prescriptions of criminal law as axioms]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Blagov E. V., 2024

Evgeny V. Blagov – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Введение

Аксиома в уголовно-правовой науке рассматривается как средство законодательной техники [1, с. 51]. Однако дефиниций первой почти нет. Едва ли не исключением является утверждение, что под аксиомой в уголовном праве понимается «исходное положение, основанное на историческом опыте решения вопросов, относящихся к юрисдикции уголовного права, не требующее доказательств в силу своей ясности и очевидности, которое в большинстве случаев прямо или косвенно закреплено в нормах уголовного законодательства» [2, с. 79]. Странный подход.

Во-первых, «исходное положение» – это, по существу, общепринятая характеристика принципа уголовного права. Во-вторых, характеристику, «основанную на историческом опыте», наоборот, нельзя не отнести уже к любым уголовно-правовым предписаниям. Очевидно, что они складывались исторически. В-третьих, если речь идет об аксиоме в уголовном праве, то, естественно, она относится к уголовно-правовой юрисдикции и тем самым в большинстве случаев прямо или косвенно должна быть закреплена в нем.

В сухом остатке оказывается только признак положения, не требующего доказательств в силу своей ясности и очевидности, но он не может отличить аксиому в уголовном праве от иных аксиом. Ведь в русском языке любая аксиома – положение, принимаемое без доказательств [3, с. 37].

При отмеченных условиях, может быть, и нет никакой уголовно-правовой специфики аксиом, и справедливо мнение, согласно которому значение аксиом в праве «заключается в том, что они не требуют доказываемости и готовы к применению в ходе правотворческого процесса» [4, с. 13]. И тогда не надо «городить огород» путем выведения якобы особых для уголовного права аксиом.

Несмотря на отмеченное, идею аксиом в уголовном праве нельзя не признать плодотворной. По существу, ими следовало бы считать все уголовно-правовые предписания. Если они и требуют доказательств, то только в процессе разработки и принятия. Как только их приняли, это уже означает, что они доказаны и должны беспрекословно воплощаться в жизнь.

Ценность подхода к уголовно-правовым предписаниям через посредство аксиом заключается в

возможности увидеть уголовное законодательство под иным углом зрения. Если аксиомы являются средствами законодательной техники и не требуют доказательств, то отношение к закрепляющим первые уголовно-правовым предписаниям со стороны как законодателя, так и практики должно полностью этому соответствовать.

Юридическая наука, конечно, не может быть в списке тех, для которых нормативные предписания находятся вне критики. В противном случае ее просто не станет и ей на смену вынужденно придет теоретическое подхалимство.

Несогласованность уголовно-правовых предписаний

С изложенных позиций немало уголовно-правовых предписаний не выглядят безупречными, ибо законодатель в действительности далеко не всегда формулирует их по типу аксиом. Смежные предписания подчас не согласованы друг с другом, а потому не требующими доказывания нередко быть неспособны. Особенно это характерно для Общей части уголовного законодательства, устанавливающей:

– в ч. 2 ст. 1 УК РФ, что новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс. Казалось бы, никакие другие законы попадать в него не должны, но вводятся законы, например, об освобождении от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2 УК РФ и др.) или наказания (ст. 80.1, 82.1 и др.), об исключаяющих преступность деяния обстоятельствах (ст. 37), что выходит за пределы ч. 2 ст. 1;

– в ч. 1 ст. 2, что задачами Уголовного кодекса являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Казалось бы, ничего другого уголовное законодательство охранять не должно, но в его Особенной части отражены преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), против интересов службы (главы 23, 30), правосудия (глава 31), порядка управления (глава 32), военной службы (глава 33) и др., что выходит за пределы ч. 1 ст. 2;

– в ч. 2 ст. 2, что для осуществления своих задач Уголовный кодекс устанавливает основание

и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Казалось бы, ничего другого в уголовное законодательство вводиться не должно, но в нем имеются исключаяющие преступность деяния обстоятельства (глава 8 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности и наказания (главы 11 и 12), принудительные меры медицинского характера, назначаемые в отсутствие преступления (ст. 97) и т. п., что выходит за пределы ч. 2 ст. 2;

– в ч. 2 ст. 3, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Казалось бы, ничего противного уголовное законодательство предусматривать не должно, но в нем по правилам ч. 1–4 ст. 69 УК РФ о назначении наказания по совокупности преступлений требуется определять наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу (ч. 5), т. е. когда отсутствует совокупность преступлений, при которой лицо не может быть осуждено ни за одно из преступлений (ст. 17); а по правилам ч. 4 ст. 69 – о назначении дополнительных наказаний по совокупности преступлений – требуется определять такие же наказания по совокупности приговоров, предполагающей совершение нового преступления после осуждения за предыдущее (ч. 5 ст. 70), что выходит за пределы ч. 2 ст. 3;

– в ч. 1 ст. 5, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Казалось бы, именно общественно опасные действия (бездействие) должны осознаваться при умысле как форме вины. Отнюдь, в ст. 25 УК РФ предусмотрено осознание общественной опасности своих действий (бездействия), что выходит за пределы ч. 1 ст. 5;

– в ч. 1 ст. 6, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Казалось бы, именно это должно учитываться по общим началам назначения наказания, но в ч. 3 ст. 60 УК РФ нет указания на обстоятельства совершения преступления и есть – на смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также на влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, что выходит за пределы ч. 1 ст. 6;

– в п. «в» ч. 4 ст. 18, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если она не отменялась и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы. Казалось бы, такая отсрочка должна быть урегулирована в

уголовном законодательстве, но этого не сделано, а в него введены отсрочки отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ), что выходит за пределы п. «в» ч. 4 ст. 18;

– в ст. 20, что уголовная ответственность наступает с четырнадцати или шестнадцати лет. Казалось бы, с другого возраста она наступать не должна, но предусмотренные, например, ст. 150 и 151 УК РФ преступления могут совершить лишь лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, что выходит за пределы ст. 20;

– в ч. 1 ст. 25, что преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Казалось бы, другим умысел быть не должен, но в соответствии со ст. 27 УК РФ совершенное с двумя формами вины преступление включает и неосторожность, а в целом признается совершенным умышленно, что выходит за пределы ч. 1 ст. 25;

– в ч. 3 ст. 29, что уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30. Казалось бы, иное недопустимо, но в ч. 2 ст. 30 УК РФ сказано о наступлении уголовной ответственности за приготовление (которое в ч. 2 ст. 29 названо неоконченным преступлением) только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Получается, что приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести быть может, но уголовной ответственности за них быть не может, что противоречит ч. 3 ст. 29;

– в ч. 1 ст. 30, что приготовлением к преступлению признается умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Казалось бы, без последнего приготовления быть не может, но, во-первых, в ч. 1 ст. 31 УК РФ прекращение лицом приготовления к преступлению введено в добровольный отказ, происходящий при осознании возможности доведения преступления до конца, т. е. с очевидностью по не зависящим от лица обстоятельствам; во-вторых, в соответствии с ч. 6 ст. 35 создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана, говоря иначе, независимо от того, почему эти преступления не были доведены до конца. И первое, и второе выходит за пределы ч. 1 ст. 30;

– в ч. 1 ст. 43, что наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, и что наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Казалось бы, наказания в ином виде быть не должно, но предусмотрены его замены более строгим (ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ) и мягким (ст. 80, ч. 3 ст. 81 и 82, ч. 2 ст. 84 и 85), а также не для виновного (ч. 2 ст. 88), что выходит за пределы ч. 1 ст. 43;

– в ч. 1 ст. 56, что наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному,

совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233, или только если соответствующей статьей Особенной части лишения свободы предусмотрено как единственный вид наказания. Казалось бы, в Особенной части уголовного законодательства регулирования неназначения лишения свободы быть не должно, но, по п. 2 примечаний к ст. 134 УК РФ, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 или 135, что выходит за пределы ч. 1 ст. 56;

– в ч. 2 ст. 75, что лицо, совершившее преступление иной (т. е. не небольшой или средней тяжести) категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части. Казалось бы, кроме указывающих на тяжкие и особо тяжкие преступления, других случаев быть не может, но они введены (например, примечания к ст. 122, 145.1, 195, 199.4, 200.1, 200.3, 200.7 УК РФ), что выходит за пределы ч. 2 ст. 75;

– в названии ст. 76.1, что освобождение от уголовной ответственности должно происходить в связи с возмещением ущерба. Казалось бы, без возмещения последнего освобождение по названной статье исключено, но в ее ч. 3 предусмотрено неприменение положений ч. 1 и 2 в части возмещения ущерба, что выходит за пределы наименования ст. 76.1 УК РФ;

– в ч. 4 ст. 78, что вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. Казалось бы, иного быть не может, но на основании ч. 5 той же статьи к совершившим преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, 2, 4, ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 357, 361 УК РФ, лицам сроки давности не применяются, хотя они описывают наказуемые пожизненным лишением свободы (или смертной казнью) деяния, что создает ухудшающее положение соответствующих лиц изъятие из ч. 4 ст. 78;

– в ч. 3 ст. 83, что вопрос о применении сроков давности к лицу, осужденному к смертной казни или пожизненному лишению свободы, решается судом. Казалось бы, иного быть не должно, но в соответствии с ч. 4 той же статьи к осужденным за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, 2, 4, ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 357, 361 УК РФ лицам сроки давности не применяются, хотя данные деяния подлежат наказанию в виде пожизненного лишения свободы, что создает ухудшающее положение изъятие из ч. 3 ст. 83;

– в ч. 2 ст. 90, что несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Казалось бы, иные такие меры определению несовершеннолетним не подлежат, но в ч. 2 ст. 92 УК РФ помещение их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа предусмотрено к применению именно как принудительная мера воспитательного воздействия, что выходит за пределы ч. 2 ст. 90.

В приведенных случаях одни уголовно-правовые предписания сформулированы в дополнение к другим или в изъятие из них. Значит, последние сами по себе аксиомами, по существу (но не форме), не являются. Тогда непонятно, зачем таковые нужны в уголовном законодательстве.

Исправить сложившееся положение, конечно, не так трудно. Достаточно соответствующим образом уточнить исходные или производные предписания уголовного законодательства.

Несогласованность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предписаний

Вместе с тем масло в огонь подливает уголовно-процессуальное законодательство. Оно не так уж редко изменяет или даже подменяет предписания Общей части уголовного законодательства, дискредитируя аксиоматичность его соответствующих предписаний. Так, предусмотрено:

– в ст. 25 УПК РФ – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. При этом в закон введена ссылка на ст. 76 УК РФ, устанавливающую освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, а согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ, сторонами являются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Причем по п. 47 той же статьи потерпевший является лишь одним из тех, кто составляет сторону обвинения. Более того, по уголовному законодательству потерпевший примиряется только с лицом, совершившим преступление, который скрывается за обвиняемым, а не за всей стороной защиты в п. 46 ст. 5 УПК РФ;

– в ст. 25.1 – прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При этом в закон включена ссылка на ст. 76.2 УК РФ, но в ней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Хотя в главе 15.2 УК РФ последний признан мерой уголовно-правового характера, неясно, зачем указание на данное обстоятельство сделано в ст. 25.1 УПК РФ вопреки ст. 76.2 УК РФ;

– в ч. 2 ст. 27, что прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 «части первой статьи 24, статьях 25, 25.1, 28 и 28.1 настоящего Кодекса, а также пунктах 3 и 6 части первой настоящей статьи, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает». Речь идет о случаях прекращения преследования в связи с освобождением от уголовной ответственности, но при его отражении в уголовном законодательстве о возражениях как препятствии к этому ничего не сказано;

– в ч. 2 ст. 28.1, что «в целях настоящей статьи под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов». «В целях настоящей статьи», но в ней предусмотрено прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба и сделана ссылка на ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, именно в которой и указано на необходимость возмещения указанного ущерба для освобождения от уголовной ответственности и именно для которой прежде всего и важно соответствующее понимание данного ущерба;

– в ч. 8 ст. 303, что если основания прекращения уголовного преследования, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 24 (истечение сроков давности) настоящего Кодекса, обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет «обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания». При этом в уголовном законодательстве такого освобождения не предусмотрено;

– в п. 14 ст. 397, что в порядке исполнения приговора может быть решен вопрос «о снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в соответствии со статьей 44 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в случае ухудшения материального положения осужденного», а в п. 19 ст. 397, что в том же порядке решается вопрос «о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном статьей 148 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». При этом ничего подобного в ст. 50 и главе 12 УК РФ, регламентирующих соответственно исправительные работы и освобождение от наказания, не предусмотрено. Что же касается уголовно-исполнительного законодательства, то это несколько другая история, о которой разговор пойдет далее;

– в ст. 398, что при отсрочке отбывания наказания и отсрочке отбывания наказания больным наркоманией отсрочивается исполнение приговора. При этом в ч. 3 ст. 308 УПК РФ установлено, что в случае применения отсрочки отбывания наказания об этом указывается в резолютивной части приговора. Если приговор отсрочивается, то по логике то же самое должно происходить и с отсрочками отбывания наказания, но тогда никакие их последствия, установленные в ст. 82 и 82.1 УК РФ, не могут возникать, и соответственно, данные отсрочки не могут реализовываться.

Причем для уголовного законодательства отмеченная несогласованность не безболезненна. Впервые, она получила преломление в уже упомянутом п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ в виде судимостей, исключаящих признание рецидива, за преступления, в связи с которыми предоставлялась отсрочка исполнения приговора. Получается, что речь идет не о том, что отражено в ст. 82 и 82.1 УК РФ, а о том, что описано в ст. 398 УПК РФ, т. е. и в связи с болезнью, препятствующей отбыванию наказания, соответствующими тяжкими последствиями или угрозой их возникновения, а также с невозможностью немедленной уплаты штрафа, хотя в последних случаях отмена отсрочки, которая названа в п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, не регламентируется.

Во-вторых, на основании ч. 2.1 ст. 83 УК РФ течение сроков давности приостанавливается, если осужденному предоставлена отсрочка отбывания наказания. При этом, похоже, с тем, что приговор не исполняется, никакой проблемы нет, но почему-то отсрочки отбывания наказания могут быть отменены в связи с соответствующим поведением осужденных (ч. 2 ст. 82, ч. 2, 4 и 5 ст. 82.1 УК РФ).

В ст. 398 УПК РФ названа также рассрочка уплаты штрафа при исполнении приговора (ч. 2). В то же время в ст. 46 УК РФ содержится возможность только назначения штрафа с рассрочкой выплаты определенными частями (ч. 3);

– в ч. 1 ст. 427, что «если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания, то следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной частью второй статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации...» Напротив, в ч. 1 ст. 90 УК РФ содержится указание, согласно которому несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто «путем применения принудительных мер воспитательного воздействия». Существенная разница, ибо пути исправления несовершеннолетнего далеко неодинаковы;

– в ч. 1 ст. 443, что, «признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, суд выносит постановление в соответствии со статьями 21 и 81 Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении этого лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера». В статье 81 УК РФ, конечно, предусмотрено освобождение от наказания, но ст. 21 начинается словами, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое при совершении общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости...», и, следовательно, как не совершавшее преступления не подлежит освобождению от уголовной ответственности, которое в уголовном законодательстве всегда обусловлено совершением именно преступления.

Вот так уголовно-процессуальное законодательство походя подменяет содержание уголовного. При этом предметом регулирования первого является лишь порядок уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вмешиваться в уголовно-правовое регулирование и корректировать последнее уголовно-процессуальное законодательство не должно.

Исправить сложившееся положение опять-таки нетрудно. Прежде всего нужно уголовно-процессуальное законодательство привести в соответствие с уголовным. Между тем в отдельных случаях, наоборот, точнее первое, и потому напрашивается противоположное действие. При этом к предписаниям уголовного законодательства отношение всегда должно быть именно как к аксиомам.

Несогласованность уголовно-правовых и уголовно-исполнительных предписаний

Двукратное упоминание уголовно-исполнительного законодательства, по существу, вмешивающегося в уголовно-правовое регулирование, заставляет остановиться и на таком вмешательстве. В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ задачами названного законодательства, в частности, «являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний». Отсюда ничего другого в связи с наказаниями уголовно-исполнительное законодательство допускать не должно. Не тут-то было. Так, в нем, помимо оговоренного, предусматриваются:

– в ст. 26 УИК РФ – условия отбывания обязательных работ, в ст. 31 – порядок исполнения штрафа, в ст. 37 – обязанности осужденного к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в ст. 40 условия отбывания исправительных работ, в ст. 50 – порядок отбывания ограничения свободы, в ст. 60.4 – порядок отбывания принудительных работ, в ст. 61 – исполнение лише-

ния специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, в ст. 69 – порядок исполнения ареста, в главе 16 – исполнение наказания в виде лишения свободы, в ст. 144 и 145 – исполнение ограничения по военной службе, в ст. 156 – режим в дисциплинарной воинской части. Во всех приведенных случаях указываются лишения или ограничения прав и свобод осужденных, которые на основании ч. 1 ст. 43 УК РФ должны быть отраженными «настоящим Кодексом», но отсутствуют в нем;

– в п. «е» ст. 172, что основанием освобождения от отбывания наказания является инвалидность. При этом уголовное законодательство такого вида освобождения не знает;

– в ч. 8 ст. 173, что «освобождение от отбывания наказания лица, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, осуществляется досрочно по основаниям, предусмотренным федеральным законом, при поступлении в учреждение или орган, исполняющие наказание, соответствующего обращения командования воинской части (учреждения) либо личного обращения указанного лица». В очередной раз приходится отметить, что уголовное законодательство такого вида освобождения от наказания не знает. Более того, хотя в ч. 8 ст. 173 УИК РФ имеется в виду Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [5], он вопреки положениям ч. 1 ст. 1 УК РФ не включался в «настоящий Кодекс» вплоть до принятия Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5];

– в ч. 9 ст. 175, что «в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам», а в ч. 4 ст. 178, что «в случае смерти ребенка уголовно-исполнительная инспекция... направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания». При этом в ст. 82 УК РФ предусмотрена отсрочка отбывания наказания беременной женщине, а не той, которой предоставляется отпуск по беременности и родам. Более того, в названной статье не установлено какое-либо влияние смерти ребенка на особенности отсрочки наказания.

Отношение к приведенному такое же, как к соответствующему уголовно-процессуальному законодательству. Приоритет должен быть у уголов-

ного законодательства. Если оно что-то не оговаривает, сначала нужно изменить его, и лишь затем на основе этого регулировать обозначенные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ порядок и условия исполнения и отбывания наказания. Исключительно так можно сохранить аксиоматичность уголовно-правовых предписаний.

Отношение к уголовно-правовым предписаниям судебной практики

Что касается практики, то она нередко следует в русле позиции законодателя, отходя от буквы соответствующих уголовно-правовых предписаний и тем самым не считая многие из них аксиомами. Так, разъяснено лишь в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые специально посвящены Общей части уголовного законодательства [5]:

– от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», что, «если осужденному в соответствии с частью 2 статьи 80 УК РФ неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена принудительными работами, то в дальнейшем при наличии оснований, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 80 УК РФ, неотбытая часть наказания в виде принудительных работ может быть заменена еще более мягким видом наказания», что «уголовный закон не содержит запрета и на условно-досрочное освобождение от отбывания принудительных работ, если они были избраны осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ» (п. 4.1 в ред. от 28.10.2021 № 32). При этом в ч. 1 ст. 79 УК РФ обрисовано условно-досрочное освобождение от отбывания «назначенного судом наказания», но не замененного, а в ст. 80 не установлены сроки, по истечении которых допустима замена неотбытой части принудительных работ более мягким видом наказания, и тем самым она вообще не применима;

– от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», что «освобождение от наказания в виде лишения свободы, назначенного несовершеннолетнему за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как принудительной мерой воспитательного воздействия может быть осуществлено судом... в порядке исполнения приговора (пункт 16 статьи 397 УПК РФ)» (п. 16 в ред. от 28.10.2021 № 32). Споры по поводу уголовно-процессуального законодательства нет, но оно противоречит уголовному, ибо в ч. 2 ст. 92 УК РФ предусмотрено лишь освобождение от наказания. В порядке же его исполнения возможно освобождение только от отбывания (дальнейшего отбывания) наказания. Разница особенно ярко подчеркнута в ст. 81 УК РФ. На основании ч. 1 лицо, у которого после совершения преступления наступило соответствующее психи-

ческое расстройство, «освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания»;

– от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», что последние «могут быть применены судом к лицу: совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, то есть когда это лицо во время совершения деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики» (п. 3). При этом в ч. 2 ст. 97 УК РФ предписано, что «принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения» определенными «лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц», но отсутствуют указания на слабоумие или иные болезненные состояния психики;

– от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», что «в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны» (п. 16). При этом в ч. 1 ст. 37 УК РФ предусмотрено только то, что необходимая оборона осуществляется «от общественно опасного посягательства» и ни от чего более.

Кроме того, в п. 24 постановления сказано, что, «если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица в состоянии невменяемости, в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершаемого деяния, его действия следует оценивать по правилам статьи 38 УК РФ...»; «аналогичным образом следует оценивать и ситуации, когда при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом, и при этом лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения». При этом в ч. 1 ст. 38 УК РФ предусмотрено причинение вреда лишь при задержании «лица, совершившего преступление», а не кого-либо другого;

– от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», что «по смыслу части 1 статьи 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее содействие лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» (п. 4). При этом в законе для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ второй части альтернативы не предусмотрено, а разделительный союз «или» относится исключительно к заглаживанию вреда. Один вариант обозначен в виде конкретного понятия (возмещение ущерба), а остальные – в виде собирательного понятия «иным образом заглавило вред»;

– от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», что, «если лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент вынесения приговора достигло возраста восемнадцати лет, суду следует назначить ему отбывание наказания в исправительной колонии общего режима»; «при осуждении такого лица к лишению свободы за преступление, совершенное по неосторожности, либо за умышленное преступление небольшой или средней тяжести вид исправительной колонии назначается ему в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 58 УК РФ» (п. 10). При этом в ст. 58 УК РФ применительно к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления ничего подобного не регулируется;

– от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», что «по смыслу закона, правила, изложенные в части 1 статьи 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в пунктах “и” и (или) “к” части 1 статьи 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, если при этом отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства» (п. 36). При этом в законе сказано о применении правил ч. 1 ст. 61 УК РФ – «при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных в пунктах “и” и (или) “к”». Нельзя не видеть множественного числа указания на смягчающие обстоятельства, что при использовании соединительного союза «и» способно означать только необходимость наличия по одному из них, но из каждого указанного пункта, а при использовании разделительного союза «или» – не менее двух смягчающих обстоятельств из хотя бы одного пункта.

Кроме того, в п. 46 постановления установлено, что «по смыслу статьи 18 УК РФ, совершение

особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, образует опасный рецидив преступлений (часть 2 статьи 18 УК РФ)». При этом в ч. 2 ст. 18 УК РФ такого варианта опасного рецидива не предусмотрено.

Наконец, в п. 60 постановления говорится, что, если «за различные преступления, входящие в совокупность, судом назначены разные виды дополнительного наказания, то они с приведением соответствующих размеров и сроков должны быть указаны в приговоре и при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений». При этом в ст. 69 УК РФ предусмотрено и поглощение наказаний, а в ч. 4 исключения для дополнительных наказаний не установлено;

– от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», что «решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания» (п. 10). При этом в первых четырех статьях предусмотрено освобождение лишь от уголовной ответственности;

– от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания», что «по смыслу закона к лицам, которым может быть отсрочено отбывание наказания по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 82 УК РФ, относятся и усыновители (удочерители) ребенка в возрасте до четырнадцати лет» (п. 3). При этом в ч. 1 ст. 82 УК РФ, если в отношении женщины еще есть некая неопределенность, то применительно к мужчине прямо отражено, что он должен являться родителем и никем более.

В п. 9 постановления разъяснено, что в случае «прерывания беременности по медицинским показаниям вопрос об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания разрешается судом в соответствии с положениями части 4 статьи 178 УИК РФ». При этом ни из уголовно-исполнительного законодательства, ни из ст. 82 УК РФ не возникает необходимость даже постановки названного вопроса при прерывании беременности по медицинским показаниям.

Как следствие, Пленуму Верховного Суда РФ нельзя так вольно относиться к уголовно-правовым предписаниям. Ведь он на основании ст. 126 Конституции РФ правомочен только давать «разъяснения по вопросам судебной практики». Если же высший судебный орган обнаруживает проблемы в уголовно-правовом регулировании, то для их устранения есть право законодательной инициативы (ст. 104 Конституции), которым и следует пользоваться в соответствующих случаях, а не подменять компетентные органы, по существу, изменяя

закон «под себя». Как известно, «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Правда, исправить сложившееся положение подчас труднее, чем в предыдущих случаях. Не исключено, что в соответствующей части нужно менять действующее уголовно-правовое регулирование, и лишь тогда разъяснения Пленума будут адекватны уголовно-правовым предписаниям как аксиомам.

Заключение

Вывод из изложенного таков: если все уголовно-правовые предписания рассматривать как

аксиомы, то, во-первых, законодатель должен уголовно-правовое регулирование производить последовательно; во-вторых, относиться к нему как базовому при формировании обслуживающего законодательства; в-третьих, судебная практика своими решениями не вправе подменять закон. Реализация того и другого, несомненно, поднимет уровень законодательной и интерпретационной техники на надлежащую высоту и будет способствовать большей доступности предписаний уголовного законодательства для адресатов задачи предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Библиографический список

1. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с. URL: <https://mybook.ru/author/olga-spiridonova/yuridicheskie-konstrukcii-i-simvoly-v-ugolovnom-pr/read/>.
2. Кабанов В. М. К вопросу о реализации уголовно-правовых аксиом в форме презумпций // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2022. № 1 (16). С. 78–81. DOI: <http://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.16.1.007>. EDN: <https://www.elibrary.ru/invmsy>.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва: Аст; Мир и Образование, 2016. 1360 с.
4. Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. 28 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003351624.pdf.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (дата обращения: 15.03.2024).

References

1. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. *Yuridicheskie konstruksii i simvoly v ugovolnom prave* [Juristic structures and symbols in criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr press, 2005, 336 p. Available at: <https://mybook.ru/author/olga-spiridonova/yuridicheskie-konstrukcii-i-simvoly-v-ugolovnom-pr/read/> [in Russian].
2. Kabanov V. M. *K voprosu o realizatsii ugovolno-pravovykh aksiom v forme prezumptsii* [On the issue of implementing criminal law axioms in the form of presumptions]. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava* [Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law], 2022, no. 1 (16), pp. 78–81. DOI: <http://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.16.1.007>. EDN: <https://www.elibrary.ru/invmsy> [in Russian].
3. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Pod red. L. I. Skvortsova. 27-e izd., ispr.* [Explanatory dictionary of the Russian language. Skvortsov L. I. (Ed.). 27th edition, revised]. Moscow: Ast; Mir i Obrazovanie, 2016, 1360 p. [in Russian].
4. Krasil'nikova E. V. *Vospreatstvovanie zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF): voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis... kand. yurid. nauk* [Obstruction of legitimate professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and differentiation of responsibility: author's abstract of the Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yaroslavl, 2007, 28 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003351624.pdf [in Russian].
5. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 № 58 «O sudebnoi praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i trgovle lyud'mi»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 No. 58 «On judicial practice with regard to cases of kidnapping, unlawful imprisonment and human trafficking»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (accessed 15.03.2024) [in Russian].